

УДК 323.28(571.53)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.36>

О соответствии террористических актов в г. Иркутске 1897–1911 гг. смысловому содержанию термина «террор»

К. А. Гуров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируются террористические акты в г. Иркутске в период становления и развития революционного движения и первой русской революции. Содержание отдельных актов сверяется со смысловым содержанием термина «террор» (в начале XX в.) на предмет их соответствия. На основании этого произведена дифференциация террористических актов на две группы: являющиеся таковыми в соответствии со смысловым содержанием термина и отнесенные к террористическим в «теоретическом» понимании в связи с неполным соответствием заявленным критериям. Всего проанализировано 11 деяний, квалифицируемых как террористические акты в черте г. Иркутска, и проведена оценка их соотношения. Из них только семь отнесены к таковым как корреспондирующие смысловому содержанию термина «террор». Остальные четыре причислены к разряду «теоретических», так как только отдельные элементы рассмотренных происшествий носят «террористический» характер.

Ключевые слова: Иркутск, оппозиционная борьба, первая русская революция, покушение, революционный терроризм, социалисты-революционеры, террористический акт.

Для цитирования: Гуров К. А. О соответствии террористических актов в г. Иркутске 1897–1911 гг. смысловому содержанию термина «террор» // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 27. С. 36–45. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.36>

Общеизвестно, что в начале XX в. в Российской империи революционный терроризм как метод борьбы с монархией стал широко применяться и достиг своего апогея в период первой русской революции. Что касается этого процесса на окраинах империи, то он проявлялся в несколько меньших масштабах в связи со слабой заселенностью региона и малым количеством политически активного населения, но в целом повторял общеимперскую тенденцию. В частности, в Восточной Сибири наибольшее количество террористических актов было совершено в 1905–1907 гг., что соответствует периоду кульминации массовых революционных выступлений, в рамках которых совершилось значительное количество терактов в Российской империи [10, с. 114].

Чтобы оперировать более точными данными, важно уточнить, какое из деяний следует относить к террористическим актам. В начале XX в. термин «террор» по своему смысловому содержанию означал метод физического устранения представителя государственного аппарата с целью политической или общественной дестабилизации. Также устранение могло быть не только

физическим, но и политическим, когда вследствие угроз объект прекращал свою деятельность, против которой выступали субъекты теракта [3, с. 131–132]. Из этого вытекает, что террористическим актом, относящимся к революционному терроризму, следует считать всякое деяние, имевшее своей целью дестабилизировать политическую либо общественную обстановку методом физического устранения или психологического давления на представителя государственного аппарата. Необходимо различать чисто уголовное преступление и террористический акт по мотивам и целям, преследуемым субъектами: в террористическом акте основные цели описаны выше, а мотивами является политическая идеология; в уголовном преступлении мотивы чаще всего имеют личный характер, и цели никак не связаны с политическими воззрениями.

Первый акт в Иркутске, который теоретически можно считать террористическим, произошел еще во «внетеррористический» период. 11 (по другим данным – 6) марта 1897 г. в Иркутской ремесленной управе взорвалась посылка, отправленная из с. Тельма. Посылка была в виде продолговатого деревянного ящика размером около 45×89 см. Вес посылки составлял примерно 1,6 кг (4 фунта). Со слов свидетелей, по звуку было понятно, что в посылке находился металлический предмет. При попытке вскрыть ящик произошел взрыв. Пострадали член ремесленной управы И. И. Серебренников и служащий И. А. Подгорбунский, впрочем, серьезных ранений никто не получил [11, с. 122]. Взрывное устройство было изготовлено на основе пороха. Это дело не было раскрыто, поэтому цели преступников так и остались невыясненными [12, с. 299]. Именно поэтому данный акт можно только в теории отнести к террористическому.

До 1905 г. Иркутск нельзя было назвать городом повышенной оппозиционной активности. С 1901 г. только стали возникать местные комитеты и представительства революционных организаций, в чьи задачи первоначально входила мирная работа – пропаганда, распространение нелегальной литературы и самоорганизация [10, с. 46]. Еще в первой половине 1905 г. начальник Иркутского охранного отделения характеризовал группу партии социалистов-революционеров (ПСР) следующими словами: «Местная группа этой партии не могла считаться действительной... деятельность ее ограничивалась пассивным чтением литературы и слабыми попытками агитации...»¹ Однако с ростом революционных настроений во всей империи активизировалась и деятельность оппозиционных сил в г. Иркутске. Следующий террористический акт произошел в июле 1905 г., но этот случай опутан странными обстоятельствами. Вечером, между 22:00 и 23:00 часами, двое неизвестных бросили через решетку в сад у дома генерал-губернатора П. И. Кутайсова сверток, попытку подбросить второй сверток остановил агент исполняющего должность иркутского полицмейстера Н. А. Никольского – Л. И. Иценов. Подозреваемые тут же скрылись. Бомба представляла собой сверток цилиндрической формы, выполненный из газетной и сахар-

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО) Ф. 601. Оп. ОЦ. Д. 9. Л. 187.

ной бумаги, на которую был нанесен динамит «в палец толщиной» с внутренней стороны рулона. В центре свертка находился мешочек с порохом, куда помещена бумажная трубка, игравшая, судя по всему, роль замедлителя, так как в ней располагался конец бикфордова шнура². Данное описание составлено со слов Н. А. Никольского, который предоставил в охранное отделение только мешочек с порохом, бикфордов шнур и бумажную трубку.

Была проведена экспертиза с приглашением в качестве специалистов горного инженера С. К. Оранского и исполняющего должность управляющего Иркутской золотосплавочной лабораторией А. Л. Ладзина, которые оценили разрушающую силу снаряда как низкую и неспособную нанести повреждения дому генерал-губернатора. Даже с учетом не предоставленного динамита безоболочная бомба могла принести вред только при условии взрыва в непосредственной близости от людей. Также эксперты постановили, что бикфордов шнур не был подожжен, а бумажная трубка, имевшая следы воздействия огня, не могла получить эти повреждения от контакта с огнепроводным шнуром³.

Также сомнительными обстоятельствами являются показания агентов исполняющего должность иркутского полицмейстера Н. А. Никольского – Иценова и Петрова. Следствие, которое могло руководствоваться только словесными портретами подозреваемых, зашло в тупик по причине указания агентами личностей, совершенно не причастных к данному акту. Причем выяснено, что некоторых «подозреваемых» Л. И. Иценов указал из личных побуждений⁴. Можно предположить, что данная бомба была попыткой мести за подавление «романовского протеста» 1904 г., о котором даже не задействованные в политических движениях обыватели отзывались так: «Да и разве не равносильно убийству закатать в каторжные работы на 10 лет 60 цветущих жизней и все это одним росчерком пера» [4, с. 89–90]. А могло быть и простой фальсификацией, проведенной исполняющим должность полицмейстера и его агентами. Таким образом, данное событие только в теоретическом отношении можно назвать террористическим актом – из-за «почерка» исполнения и отсутствия результатов следствия.

Всероссийская октябрьская стачка 1905 г. коснулась г. Иркутска. Она сопровождалась параличом города и беспорядками, в которых не обошлось без жертв [5, с. 245–247]. При этом явных террористических актов не отмечено, если не брать в расчет стрельбу по окнам командира Иркутского казачьего дивизиона подполковника Мунгалова и есаула Черкашена, в которой никто не пострадал⁵. Сама стачка была прекращена после получения Высочайшего манифеста от 17 октября и освобождения всех «вожаков последних беспорядков» из-под стражи 22 октября⁶. Несмотря на это, 25 октября было совершено покушение на начальника Иркутского губернского жандармско-

² ГАИО. Ф. 601. Оп. ОЦ. Д. 9. Л. 100.

³ Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 39, 66.

⁴ Там же. Л. 76.

⁵ Там же. Ф. 601. Оп. ОЦ. Д. 9. Л. 234 об.

⁶ Там же. Л. 238 об.

го управления подполковника Л. Н. Креницкого. Когда последний передвигался в пролетке по ул. Харлампиевской, неизвестным был произведен выстрел из револьвера, пуля попала в пролетку. Это преступление также не было раскрыто, политические партии на себя ответственность не брали, но резонно предположить, что своими энергичными действиями по пресечению октябрьской стачки Л. Н. Креницкий успел нажить себе врагов в политической оппозиции. Опираясь на агентурные сведения, имевшиеся у него, подполковник не сомневался в политической подоплеке покушения⁷.

После покушения на начальника Иркутского губернского жандармского отделения произошло временное относительное затишье. Не удовлетворенные манифестом от 17 октября, а также неполнотой его исполнения, 15 ноября начинают забастовку служащие почтово-телеграфной конторы г. Иркутска. Бастующие лишили город связи с «внешним миром», была нарушена связь и внутри города. Властями предпринимались меры к восстановлению линий проводов, но стачечники пресекали эти попытки, нанося новые повреждения и угрожая не присоединившимся к забастовке коллегам. Для подавления забастовки привлекались войска, но должного результата это не принесло. В конце ноября началась военная забастовка солдат Иркутского гарнизона, административная власть лишилась средств к наведению порядка. Распоряжения административной власти не выполнялись, шло вооружение отрядов самообороны и боевых дружин политических организаций, объединившихся в ноябре в «народную милицию», полностью контролирующую город. В такой обстановке, усугубившейся в декабре, произошли очередные теракты, в политической подоплеке которых нет никаких сомнений.

Утром 23 декабря 1905 г. у входа в губернское правление неизвестный произвел около шести выстрелов из револьвера в вице-губернатора В. А. Мишина, в результате которых последний получил ранение в грудь, а запасной унтер-офицер И. Андрулайтис, поспешивший ему на помощь, был ранен в шею и голову. Стрелявшему удалось скрыться⁸. 26 декабря 1905 г. Иркутский комитет партии социалистов-революционеров выпустил прокламацию, в которой Иркутская боевая организация ПСР брала на себя ответственность за исполнение данного террористического акта. В документе обосновывалось применение террора против государства в лице его чиновников как самозащитная реакция в ответ на «рвение царского сатрапа», как желание «насилию противопоставлять силу»⁹. Розыск покушавшегося результатов не дал, следствие, подозревая почтово-телеграфного чиновника, не обнаружило достаточных доказательств его причастности [6, с. 46].

Следующей целью террористов стал надворный советник, помощник иркутского полицмейстера А. П. Драгомиров. Утром 26 декабря 1905 г. неизвестный выстрелил в Драгомирова на углу Баснинской и Луговой улиц, рядом с домом жертвы. Стрелявший сразу скрылся. Проезжавший мимо извозчик помог Драгомирову забраться в сани и повез его в полицейское

⁷ ГАИО Ф. 601. Оп. ОЦ. Д. 9. Л. 241.

⁸ ГАИО Ф. 243. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

⁹ ГАИО Ф. 243. Оп. 5. Д. 13. Л. 52.

управление, находившееся недалеко от места преступления. Но ранение оказалось тяжелым, и А. П. Драгомиров по дороге скончался [1, с. 218]. Впоследствии по городу были распространены прокламации, что этот теракт совершен «во исполнение приговора Боевой организации ПСР» [7, с. 82]. Расследование декабрьских покушений ничего не дало. Только в 1907 г. правоохранительным органам удалось арестовать одного из участников данных терактов, А. Ф. Катникова, но за недоказанностью обвинений его пришлось отпустить [10, с. 54].

Несмотря на наличие «подписи» у декабрьских терактов, начальник Иркутского охранного отделения М. Л. Гаврилов отрицал существование боевой организации при Иркутском комитете ПСР; ссылаясь на агентурные данные, утверждал, что, вероятнее всего, несколько членов фракции ПСР предложили свои услуги бастующим телеграфистам. Кроме того, его агентурные данные указывали на то, что зачинщики и исполнители данных покушений были из среды телеграфистов¹⁰.

К концу декабря в городе было отчаянное положение. Власть фактически отсутствовала: вице губернатор В. А. Мишин, сменивший М. Н. Кайгародова, был ранен, вступивший ему на смену управляющий казенной палатой И. А. Лавров заболел. Иркутский полицмейстер также оказался больным, помощник полицмейстера убит, исполняющий должность полицмейстера «беспомощно просит устранения». Городом правят стачечные комитеты, заместителей на должностях нет, решения не принимаются, полиция деморализована и уклоняется от исполнения следственных действий по политическим делам, связи с центральной Россией почти нет¹¹. Новый год г. Иркутск встречает введением военного положения [11, с. 181]. Уже в новогоднюю ночь власть в городе перейдет к официальной администрации. Начнутся аресты, а на поддержку властям с запада двинутся специальные отряды под командованием И. Н. Меллер-Закомельского и с востока генерала П. К. Ренненкампа. Порядок в городе в скором времени будет восстановлен.

Начальник Иркутского охранного отделения М. Л. Гаврилов, ранее неоднократно получавший агентурные сведения о том, что является целью террористов, 20 января 1906 г. был проинформирован, что на этот раз теракт готов к исполнению. 26 января было замечено наблюдение за местом проживания Гаврилова и установлена засада. Наблюдавшие за квартирой начальника охранного отделения появились возле нее на следующий день, к пешим наблюдателям присоединилась проезжающая кругами кошевка. Когда к подъезду дома была подана пролетка, наблюдатели активизировались, судя по всему, ожидая, что выйдет Гаврилов, и устремились к дому. В этот момент был произведен арест¹². Оказались задержаны несколько вооруженных револьверами исполнителей боевой организации при Иркутском коми-

¹⁰ ГАИО. Ф. 601. Оп. ОЦ. Д. 10. Л. 149–149 об.

¹¹ Там же. Д. 9. Л. 309.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 90. Л. 75; Л. 79–79 об.

тете ПСР. Теперь М. Л. Гаврилов не сомневался в существовании такой организации и вскоре приступил к ее ликвидации¹³.

В середине февраля произошло убийство бывшего коменданта ст. Танхой барона Корфа. Вечером у здания городского театра двое неизвестных нанесли барону удар ломом по голове, после чего скрылись. Ночью барон от нанесенной травмы скончался [11, с. 182]. Прокурор Иркутской судебной палаты Е. П. Нимандер предполагал, что это убийство имеет политические мотивы и является мстью за служебные действия коменданта станции [7, с. 102].

Весной и летом 1906 г. в городе террористических актов не совершалось, но на территории губернии, в том числе в непосредственной близости к Иркутску – на ст. Иннокентьевская, произошло четыре покушения. Причем два из них были совершены против чиновников железной дороги на ст. Иннокентьевская; два других – поджог дома (в котором помещалась еще и канцелярия) начальника жандармского отделения на ст. Тулун и взрыв бомбы в г. Нижнеудинске у квартиры инженера Садкова. В данных терактах пострадавших не было [10, с. 59].

Следующий теракт, произошедший в городе, получил большой резонанс в оппозиционной среде, так как целью его являлся генерал П. К. Ренненкампф. Сама личность генерала была ненавистна практически всем революционным организациям за «наведение порядка» в Сибири и не только. Днем 30 октября 1906 г. на ул. Амурской неизвестный метнул в сторону идущего по тротуару в сопровождении офицеров П. К. Ренненкампфа черный сверток. Снаряд взорвался, в соседнем здании выбило стекла, но никто не пострадал. «Бомбист» тут же был схвачен¹⁴. Во время ареста он заявил, что пытался убить генерала-лейтенанта Ренненкампфа по приговору областного комитета Сибирского союза ПСР¹⁵. Позже было установлено, что задержанный Н. В. Коршун – бежавший из ссылки в Нарымске член ПСР. На следующий день состоялось заседание Иркутского военно-полевого суда, на котором террорист был приговорен к казни через повешение, в этот же день приговор был приведен в исполнение [9, с. 294]. Связь Н. В. Коршуна с местными ячейками ПСР не была раскрыта, по его словам, он действовал в одиночку. Возможно, что скоротечность расследования не позволила раскрыть данный теракт, и поэтому Н. В. Коршун вошел в историю революции как одинокий мститель.

К этому времени Иркутское охранное отделение и Иркутское губернское жандармское отделение имели обширную агентурную сеть, позволяющую своевременно получать информацию о готовящихся покушениях и быстро ликвидировать опасные организации. Поэтому очередной теракт произошел спустя семь месяцев. 30 мая 1907 г. два члена летучего боевого отряда при Сибирском областном комитете ПСР стреляли в начальника Алгачинской каторжной тюрьмы И. Н. Бородулина. Но выстрелы не достигли своей цели, И. Н. Бородулин остался невредим, нападавшие скрылись [8, с. 16].

¹³ ГАИО. Ф. 600. Оп. ОЦ. Д. 47. Л. 36 об.

¹⁴ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 134. Л. 2а; Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 14.

Начальник Иркутского охранного отделения М. Л. Гаврилов был не менее желанной целью для иркутских социалистов-революционеров, чем Ренненкампф. Деятельный ротмистр провел не одну ликвидацию революционных организаций, за что был прозван Иркутским комитетом ПСР «душителем идеалов и стремлений трудового народа»¹⁶. Около полудня 28 августа 1907 г. на пересечении Саломатовской и Преображенской улиц двое неизвестных произвели два выстрела из охотничьего ружья и револьвера в проезжающего в пролетке М. Л. Гаврилова. Будучи ранен, ротмистр приказал кучеру как можно скорее покинуть это место, террористы бросились в погоню, но, столкнувшись с верховым казаком Б. Тугутовым и ранив его из ружья, скрылись. Гаврилов был ранен картечью в плечо и пулей в легкое, но ранения оказались неопасными¹⁷. 30 августа по городу были распространены прокламации Иркутского комитета ПСР, в которых данная организация брала на себя ответственность за теракт. А вечером того же дня причастные к теракту лица были выявлены [10, с. 78]. Но при этом подозреваемые так и не были разысканы и осуждены¹⁸.

Последним терактом на территории г. Иркутска стал символический повтор первого – взорвалась посылка. 2 марта 1911 г. во дворе почтовой конторы при погрузке посылок для отправки на таможенную взорвался один из ящиков. Взрывом была повреждена телега, корреспонденция, в окружающих зданиях выбиты стекла [2, с. 2]. Пострадали два служащих почтовой конторы. Посылка была отправлена из г. Читы в Алгачинскую тюрьму на имя арестанта Бажанова, но так как заключенный с такой фамилией отсутствовал, ее вернули в почтовую контору. По заключению экспертов, бомба должна была взорваться при вскрытии посылки, и сдетонировала только часть заряда [11, с. 241]. По факту взрыва было проведено расследование, однако виновные не были разысканы, загадкой остаются и мотивы данного преступления, именно поэтому взрыв посылки только в теоретическом отношении причисляется к терактам.

За период с 1897 по 1911 г. в Иркутской губернии произошло 15 актов, по различным критериям определяемых как террористические. В их числе 11 произошли в черте г. Иркутска и 4 на территории губернии (из них 2 на ст. Иннокентьевская, 1 на ст. Тулун и 1 в г. Нижнеудинске) [10, с. 59; 63]. Таким образом, можно сделать вывод, что ареной для террористов и правоохранительных органов был губернский центр, здесь и разворачивались основные события. Из общего числа актов, совершенных в г. Иркутске, квалифицированных как террористические, следует выявить теракты, названные таковыми по совокупности достаточных оснований, и теракты в теоретическом понимании. Из 11 актов только семь можно назвать террористическими, так как в их расследовании удалось доказать политическую составляющую мотивов и причастность к их исполнению представителей револю-

¹⁶ ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 946. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 26.

ционных организаций. Это покушения на начальника Иркутского губернского жандармского отделения Л. Н. Креницкого, вице-губернатора В. А. Мишина, два покушения на начальника Иркутского охранного отделения М. Л. Гаврилова, генерала П. К. Ренненкампа, начальника Алгачинской каторжной тюрьмы И. Н. Бородулина и убийство исполняющего должность иркутского полицмейстера А. П. Драгомирова. Оставшиеся четыре акта относятся к террористическим только в теоретическом понимании по причине наличия «террористических оснований», таких как: агентурные, непроверяемые, сведения, манера выполнения акта и основные вероятные мотивы преступления.

Список литературы

1. *Гаращенко А. Н.* Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище. Иркутск : Земля Иркутская : Отгиск, 2016. 464 с.
2. Голос Сибири: газета политическая, общественная и литературная. Иркутск, 1911. № 51.
3. *Гуров К. А., Серебренников И. П.* Трансформация исторических смыслов понятия «террор» в 1794–1917 гг. // Изв. лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркут. нац. техн. ун-та, 2017. Т. 13, № 4. С. 127–133.
4. *Занданова Л. В., Зуева И. В., Салахова Л. М.* Иллюстрация жизни «маленьких людей» г. Иркутска в начале XX в. (события русско-японской войны и революции 1905 г. в научной литературе и восприятии иркутян) // Вестник международного центра азиатских исследований: Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность : материалы Междунар. науч. конф. (18 мая 2016 г.). Иркутск, 2016. С. 81–91.
5. Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / С. М. Алексеев, В. В. Барышников, П. П. Боханов, И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, Н. И. Гаврилова, А. В. Гимельштейн, И. И. Кузнецов, В. И. Литвина, И. В. Наумов, Г. В. Оглезнева, Т. А. Перцева, Ю. А. Петрушин, А. А. Поляков, З. И. Рабецкая, А. П. Санников, Л. В. Шапова, В. П. Шахеров, О. Н. Шахерова ; отв. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2002. 512 с.
6. *Кадиков Э. Р.* Эсеровский террор в Сибири в начале XX в. // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Ист. науки. 2016. № 1 (9). С. 42–69.
7. *Нимандер Е. П.* Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. СПб. : Сенат. тип., 1908. 210 с.
8. Памятная книжка социалиста-революционера. 1914. Вып. 2. 88 с.
9. *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
10. *Серебренников И. П.* Революционный террор в Восточной Сибири (1900 г. – февраль 1917 г.): монография. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2002. 144 с.
11. *Сысоев А. А.* Криминальные хроники Иркутска : хронол. перечень. Иркутск : Отгиск, 2013. 352 с.
12. *Чернигов А. К.* Иркутские повествования. 1661–1917 гг. : в 2 т. Иркутск : Отгиск, 2003. Т. 1. 464 с.

Assessment of the Compliance of Terrorist Acts in the City of Irkutsk in 1897–1911 the Semantic Content of the Term «Terrorism»

K. A. Gurov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In the article analyzes the terrorist attacks in the city of Irkutsk in the period of the formation and development of the revolutionary movement and the first Russian revolution. The content of individual acts is verified with the semantic content of the term “terror” (at the beginning of the 20th century) for their conformity. Based on this, terrorist acts were differentiated into two groups: those that are in accordance with the semantic content of the term and classified as terrorist in a “theoretical” sense, due to incomplete compliance with the stated criteria. A total of 11 acts were analyzed that qualify as terrorist acts within the city of Irkutsk. Of these, only 7 are attributed to those as corresponding to the semantic content of the term “terror”. The remaining 4 are classified as “theoretical”, since only certain elements of the investigated incidents are of a “terrorist” nature.

Keywords: Irkutsk, oppositional struggle, the first Russian Revolution, attempted assassination, revolutionary terrorism, Socialist-Revolutionaries, terrorist act.

For citation: Gurov K.A. Assessment of the Compliance of Terrorist Acts in the City of Irkutsk in 1897–1911 the Semantic Content of the Term “Terrorism”. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 27, pp. 36-45. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.36> (in Russian)

References

1. Garashchenko A.N. *Irkutskij istoricheskij nekropol: Ierusalimskoe kladbishche* [Irkutsk historical necropolis: Jerusalem cemetery]. Irkutsk, Zemlya Irkutskaya Publ., Ottisk Publ., 2016, 464 p. (in Russian)
2. *Golos Sibiri: gazeta politicheskaya, obshchestvennaya i literaturnaya* [Voice of Siberia: the newspaper is political, public and literary]. Irkutsk, 1911, no 51. (in Russian)
3. Gurov K.A., Serebrennikov I.P. *Transformaciya istoricheskikh smyslov ponyatiya «terror» v 1794–1917 gg.* [Transformation of historical meanings of the concept of «terror» in 1794-1917]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Irkutsk, Irkutsk National Technical University Publ., 2017, vol. 13, no 4, pp. 127-133. (in Russian)
4. Zandanova L.V., Zueva I.V., Salahova L.M. *Illyustraciya zhizni «malen'kih lyudej» g. Irkutsk v nachale XX veka (sobytija russko-yaponskoj vojny i revolyucii 1905 g. v nauchnoj literature i vospriyatii irkutyan)* [Illustration of the life of «little people» in Irkutsk at the beginning of XX century (events of Russian-Japanese war and revolution of 1905 in scientific literature and perception of Irkutsk citizens)]. *Vestnik mezhdunarodnogo centra aziatskih issledovanij: Narody Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost' (materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 18 maya 2016 g.)* [Bulletin of the international center for Asian studies: Peoples of Russia, Siberia and the East: history and modernity (proceedings of the international scientific conference may 18, 2016)]. Irkutsk, 2016, pp. 81-91. (in Russian)
5. Alekseev S.M., Baryshnikov V.V., Bohanov P.P., Dameshek I.L., Dameshek L.M., Gavrilova N.I., Gimel'shtejn A.V., Kuznecov I.I., Litvina V.I., Naumov I.V., Oglezneva G.V., Perceva T.A., Petrushin YU.A., Polyakov A.A., Rabeckaya Z.I., Sannikov A.P., Shapova L.V., Shaheerov V.P., Shaheerova O.N. Dameshek L.M. (otv. red.) *Irkutsk v panorame vekov: Ocherki istorii goroda* [Irkutsk in the panorama of centuries: Essays on the history of the city]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya Publ., 2002, 512 p. (in Russian)

6. Kadikov E.H.R. Ehserovskij terror v Sibiri v nachale XX v. [Social Revolutionary terror in Siberia in the early XX century]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki* [Herald of Omsk University. Series historical studies]. 2016, no 1 (9), pp. 42-69. (in Russian)
7. Nimander E.P. *Obzor revolyucionnogo dvizheniya v okruge Irkutskoj sudebnoj palaty za 1897–1907 gg.* [Review of the revolutionary movement in the district of the Irkutsk court chamber for 1897-1907]. Saint-Peterburg, Senat Printing House Publ., 1908, 210 p. (in Russian)
8. *Pamyatnaya knizhka socialista-revoljucionera. Vyp. 2.* [The memorable book of the socialist-revolutionary. Iss. 2]. 1914, 88 p. (in Russian)
9. Popov I.I. *Zabytye irkutskie stranicy: zapiski redaktora* [Forgotten Irkutsk pages: editor's notes]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1989, 384 p. (in Russian)
10. Serebrennikov I.P. *Revoljucionnyj terror v Vostochnoj Sibiri (1900 g. – fevral' 1917 g.)* [Revolutionary terror in Eastern Siberia (1900 – February 1917)]. Irkutsk, Irkutsk State Pedagogical University Publ., 2002, 144 p. (in Russian)
11. Sysoev A.A. *Kriminal'nye hroniki Irkutskaja: hronologicheskij perechen'* [Criminal Chronicles of Irkutsk: chronological list]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2013, 352 p. (in Russian)
12. Chernigov A.K. *Irkutskie povestvovaniya. 1661–1917 gg.* [Irkutsk narratives. 1661-1917 years]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, vol. 1, 464 p. (in Russian)

Гуров Константин Александрович
 аспирант, кафедра истории и методики
 Иркутский государственный университет
 Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
 тел.: 8(3952) 24-07-00
 e-mail: love_family@bk.ru

Gurov Konstantin Alexandrovich
 Postgraduate Student
 Department of History and Methods
 Irkutsk State University
 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
 Russian Federation
 tel.: 8(3952) 24-07-00
 e-mail: love_family@bk.ru